«Молодой балет» в Брянске. Ольга Павлова и Тейр Хирн в «Адажио» из балета А. Хачатуряна «Спартак».

Фото Н. Мелещенко.

ЛИТЕС
воскресная спра

В концертных залах

ОТКРЫВ ДУШИ ИЗГИБ НЕЛЖИВЫЙ...

Как в Милане есть театр «Ла Скала» и есть театр «Николая Скала», так в Москве есть Государственный ансамбль народного танца СССР и есть «Молодой балет», совершенно самостоятельный балетный коллектив, но, однако же, тоже под управлением «одного папы» — народного артиста СССР, лауреата Ленинской премии Игоря Александровича Моисеева. Мы специально подчеркиваем это обстоятельство, оставляя пояснения на конец рецензии.

Кроме естественного желания восторгаться по поводу концертов «Молодого балета» (благо, есть чему), существует потребность разобраться в виденном, определить место этому явлению искусства в современном мире.

Валентин Плахотин не думает уходить от нас в прошлое. Вместе с ней существует действительно современный балет. Не модернизация великих традиций Павловой и Улановой (подумать только, даже Уланова — уже классика...), а душевное единство и внешнее обособление. Контраст начинается с «Гранд-па», задуманных номеров без композиции, объединенных меж собой одним светлым чувством раскрепощения, прикосновения души, небесного тепла. Здесь видим мы сцену торжества «старого балета», впечатление выходит из памяти читателя в виденное в музыке; увлеченность танцев, молодость исполнителей соседствует здесь со строгостью хореографических учебников; глаза молодых балерин блестят заучено чрезмерно отточенным «так, чтобы мелькнет в зрительной памяти портрет учительницей рукой в кружевном Идм Рубинштейн кисти К. Сорина.

Мы не будем говорить о технике исполнения — ансамбль Моисеева давно перешел ту грань, до которой еще можно было обсуждать технические обсчитывания сложности. Но отметим — это значительно, наверное, раздаем с ним все зрителем, — что артисты, особенно девушки, настолько свободно чувствуют себя в танце, что, кажется, могут в любой момент полет замерять выше тропик сферы. Если в каком-либо из пластических искусств душа вовлекает себя тело, так это в балете. Раскрепощенная полька — вот что мы увидели в «Гранд-па». Пусть этот номер больше похож на упражнение в классе, чем на пластические чаши, больше на этюд, чем на балет с выражением, пусть он больше демонстрирует неумолимость старого балета, чем возможности современного, что нам от этого? Этот порыв коснулся нас.

Тут же вспомнилось одно сомнение. Ансамбль Моисеева — это ансамбль звезд. Но как далекие звезды на небе похожи друг на друга, так кажется одинаковость, лишенность артистов в «Гранд-па» может казаться на размышление о какой групповой психологии, отсутствии индивидуального выражения.

Уже следующий номер развеял это сомнение, вернул нас с небес на землю: это было «Воспоминание» на музыку Глинки, танец, поставленный очень нашим автором балетмейстером Игорем Моисеевым. Медлительная, прикушена каждому воспоминанию с белой лилией, обернулась у Валентины Соболевой и Бориса Рыжкина настоящей легендой двух сердец, легкой для них ноги; неудивительно, случайно ли Соболева даже внешне похожа на прекрасную нам гравюрами Сальвайг из «Пер Гюнта», но нерасцветка, тоска по утраченному, неизбывное чувство любви сделали танец одновременно и классическим и современным.

Каким резким показался переход к «Мазурке» Шопена! Этот танец, поставленный острохарактерным, талантливым и утонченно-резким хореографом Наталией Рогожиной на музыку Прокофьева безжалостной подготовки пистолета, мы вдруг в самый центр дискуссий о современном балете. Тут нужна была именно музыка Прокофьева. И нужны были громадные линии мощности, резкие краски, темпоритмичность движений, чтобы оттенить в такой пронзительной силой изящное в нас чувственность, порыв к гармонии и гибкости чувств, которые скрыты в малом технического века.

В самом деле: вы заметили, с какой природной грацией и виртуозной пластикой исполнялся этот динамичный танец — и вы будете правы, если отнесете это на счет некоторой дисгармонии в человеческой природе. Той дисгармонии, которая составляет тонус жизни, насыщенной и лирикой и героикой, печалью и радостью,—одним словом, той многомерностью, которая стремится в будущее и желает расстаться с прошлым, ибо я то и другое — жизнь. Но это касается души живых, а не разрушенных. Авторы танца (и мы относим прежде всего исполнителей) ощущают в этом перед нами нечто большое. Вот в каждом из них проявляется сверхчувствительность, любовь к жизни, к борьбе, прежде и прежде — это преодоление, переход живого тела в мрамор и — наоборот — от изваяния к живой Галатее.

Лучшим танцем, на наш взгляд, можно посчитать «Адажио» в другу из музыку Моцарта. Девушка в оранжевом (Галина Дядюшина) — и два начала души ее, Добро и Зло, их борьба, прежде и пронизывающая воспоминание. Центр Корпускулей (в светлом) — Дмитрий Брянцев (в черном трико) вместе с Галиной дали нам предельно отдаленный образ, но и столь же прямой и осязаемый, как и сама музыка Моцарта, то же чувство, которое роднается у слушателя при звуках «Отрадей по Матфею» Баха или «Вербной симфонии» Моцарта. Видим до артистов, что они говорят в душе зрителя? Так почему же они, «добру и злу внимая» остаются безвольными, не дают ответа на главный вопрос? Просто он неизвестен никому, борьба эта от века, и неизвестно, сколь долго еще будет она длиться...

Следует еще раз повторить, что приведенный в нам калейдоскоп в определенном роде умаляет. Он просто знакомит, вот, мы исполняемое, видим больше не танцовало. Это, так сказать, чистый балет, не осложненный административным сигналом с сцены и спектакля, более концертный, мы бы даже сказали, отрасленно публицистический. Балет малых форм, но больших чувств и мыслей, а молодость его — это молодость страны, которую он представляет, молодость нового в мире искусства. У него еще многое впереди, не высказанного здесь немалая часть изучим нашим новым талантам, поэтому опустим критическую часть разбора... а перейдем лучше ко второму отделению концерта.

Открылось оно, как и первое, «старым» балетом: «Па-де-де» из «Щелкунчика» Чайковского, одним, пожалуй, сложным номером программы. Здесь нужно мастерство зрелое — и мы его видели у всех артистов ансамбля А.Ф. Гюль Гайсиной и А. Александра Годунова, хотя «Молодой балет» как ансамбль существует (все же он моложе «старого») всего какого полгода. Любого номера, наверное, хватило бы для нашей программы, но вслед за «Па-де-де» мы увидели «Поэму чувств», исключительно трогательную, умную хореографическую пьесу, поставленную на музыку Мендельсона. Удивительно точен подбор пар для трех стадий пьесы — «Рождения чувства», «Расцвета любви» и «Разрыва», — каждая из них — новелла. В первой мы увидели нашу старую знакомую, героиню недавнего документального фильма об ансамбле Моисеева «Вечное движение» Гюзель Ахадлаову. В фильме она во все глаза смотрела на новый для нее коллектив, сегодня мы во все глаза смотрим, с каким блеском и как трепетно исполняет она сложнейшие танцы.

Каждое движение полно смысла и чувства — вот главная черта моисеевского ансамбля и секрет его успеха. Каждое из них метафора и одновременно сама естественность. Такие, поставленные в «Молодом балете» И. А. Моисеевым, навытравмы на памяти. Особенно последний в программе: под «Траурное шествие» Листа танец вечной памяти героическим нашим в Великую Отечественную войну. Поражали краски, созданные игрой света и костюмами на сцене было нечто от картин Рембрандта; поражало само движение кордебалета, и неизвестно, кто больше создавал этот танец: художник, скульптор, музыкант или балетмейстер. Создал его фантастический Моисеев. Танец, видимо, не для маленького зала — у нас в театре он проиграл от этого немало, но как заметно по нему, лучшие классического балета! Он выражения простых и сложных, сентиментальных и мужественных, утонченных и безыскусных чувств — к целой сумме, к комплексу переживаний, связанных с большими идеями, которые волнуют все общество в целом.

Натура Моисеева многогранна. Но и он не дилетант, как видно, чтобы охватить все порядительное многообразие мотивов. Он мгновенно создал ансамбль народного танца, он пишет статьи в газетах о балетном, бальном танце; прошлое немного времени, и он сам, бывший танцор балета Большого театра, создает концертный ансамбль «Молодой балет» — своего рода экспериментальную балетную студию, в которой, как на окнолинном перекрестке, столкнулись вдруг стройные колонны спортивного и современного балета; он сделал «Молодой балет» аргументом в споре, чтобы доказать, что танцу подвластно очень многое. Он открыл нам «душу нашей молодежи» в пластике движений на сцене.

Ольга Цвилова, Галина Дядюшина, А.Ф.Гюль Гайсина, ее подруги, Тейр Хирн, Миша Рыжкин, Дмитрий Брянцев и их товарищи по ансамблю — это поколение рыцарей, чьи лучшие молодой коллектив, которому, хочется верить, при надежному блестящая будущность.

Каждое утро, после вечернего концерта, каждого отзывая их на репетицию. Но это мы уже видели в «Вечном движении». Тренировки у станков обогащены лекциями и клинописями на вечерним концерте. Репетиция была у них даже на нашем отъезде.

Новых успехов тебе, молодой балет!

Г. СОРОКИН.